

Антон Иванов

Помпей одного
актёра

Антон Иванов

Помпеи одного актёра

<https://litres.ru/74094453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — режиссёр, и его главная постановка — собственная жизнь. Оставшись один в мастерской, герой снова и снова переписывает историю любви, превращая её в оперу из цунами, вулканов и падения планет. Картонные города рушатся под натиском воображаемой стихии, а нарисованная углём богиня заменяет живую женщину. Но в разгар грандиозного спектакля из прошлого прорывается короткая видеозапись — и весь апокалипсис разбивается о несколько бытовых фраз, усталый взгляд и невымытую чашку. «Помпеи одного актёра» — пронзительная монопеса в прозе о крахе самообмана, о столкновении мифа с реальностью и о мучительном освобождении от призраков, которых мы сами же и создаём.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1: ВСТРЕЧА КАК ПРЕЛЮДИЯ К КАТАСТРОФЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Помпеи одного актёра

Пролог

Дождь идет.

Это не просто погода за окном. Это фоновая нота, под которую разыгрывается спектакль одного актёра, где я — и режиссер, и единственный зритель, и последняя жертва.

Комната-мастерская покрыта трещинами, пылью на забытых проектах и холодным синим светом, что льется с небес, будто кто-то свыше выставил суровый, безжалостный фильтр. По стеклу беззвучно стекают капли. Они отбивают ритм. Мой ритм. Ритм конца, который длится уже не первый год.

Я сижу на полу, прислонившись спиной к стене. Холод штукатурки просачивается сквозь тонкую ткань рубашки. Она белая, когда-то была белой, а теперь вся в подтеках краски — следы битв с холстами, которые я так и не смог победить. Я не двигаюсь. Движение — это усилие, а способность к нему я, кажется, оставил там, в прошлом, в той точке, где мир раскололся на «до» и «после».

«Дождь... идет. Дождь... идет», — шепчу я в такт каплям. Это не слова. Это дыхание. Констатация факта моего существования здесь и сейчас.

С невероятным усилием, будто мои кости налиты свин-

цом, я поднимаюсь. Ноги ватные, голова пустая. Я бреду к столу, этому острову хаоса среди моря апатии. Бумаги, чертежи, макеты картонных домов — всё это обломки корабля, на котором я пытался уплыть от реальности. Реальности, которую не смог принять.

Мои пальцы натываются на диктофон. Холодный, пластмассовый свидетель моих неудачных попыток. Щелчок. Красная лампочка — крошечный огонек агонии в синеве комнаты.

«Итак. Сцена первая. Встреча...»

Голос хрипит, ему непривычно звучать. Он долго молчал.

«Мужчина и женщина. Дождь... конечно, дождь. Он всегда идет в таких историях. Клише. Но что поделать, если это правда».

Я замолкаю. Какая чушь. Какая наигранная, слащавая чушь. «Витрина кофейни»... «Споткнуться на мокром асфальте»... Это сценарий для дешевого ромкома, а не история нашей встречи. Нашей? Нет. Моей истории о нашей встрече. Я уже давно запутался, где заканчивается правда, а где начинается мой вымысел.

С раздражением я давлю на кнопку. Щелчок. Тишина снова засасывает. Рука сама тянется к пачке сигарет, но она пуста. Я сминаю её в комок и швыряю в угол. Пусто. Всё пусто. В пачке, в комнате, во мне.

Мой взгляд блуждает по комнате и цепляется за груды книг в углу. Что-то заставляет меня подойти и начать бес-

цельно рыться в этом бумажном хламе. И тут... пальцы натываются на что-то твердое, шершавое, спрятанное под слоем пыли и забытых слов.

Сердце замирает. Я уже знаю, что это. Знаю кожей, нервами, всем своим существом.

Осторожно, как археолог, извлекающий бесценный артефакт, я вытаскиваю свернутую в трубку афишу.

Она шелестит, жалуясь на свет. Я медленно, боясь повредить, разворачиваю её. Шершавая бумага, потускневшие краски. И название: «Пируэт».

Я не смотрю на неё. Я смотрю в свое прошлое. Напряженная маска спадает с моего лица, и на мгновение я снова становлюсь тем человеком — полным надежд, одержимым красотой, еще не научившимся превращать жизнь в миф. Пальцы сами тянутся к бумаге, проводят по буквам. Нежность. Острая, как лезвие, боль.

И в этот момент сквозь монотонный шум дождя пробивается что-то еще. Эхо. Призрак звука. Едва уловимо, будто из другого измерения, доносится строчка, спетая женским голосом: «Я рисую тебя, наш с тобой пируэт...»

Я замираю. Закрываю глаза. На моем лице — гримаса, нечто среднее между улыбкой и стоном. Я не вспоминаю. Я репетирую эмоцию. Я вдыхаю запах афиши — запах старых чернил, пыли и... и её духов? Нет. Я уже не помню, какими духами она пользовалась. Я назначаю ей этот запах. Запах истории. Запатентованный аромат моего личного Вавилона.

«С чего всё начинается? — тихо говорю я, глядя на афишу, но обращаясь к самому себе. — С красоты. Всегда с красоты. Проклятая, предательская красота...»

Я не кладу афишу назад. Прижимаю её к груди, как талисман, как свидетельство, как обвинительный акт. Делаю несколько шагов к центру комнаты. Спина сама выпрямляется. Я больше не сломленный человек в грязной рубашке. Я — режиссер. Я готовлюсь к действию.

Свет в комнате будто подыгрывает мне. Холодный синий оттенок чуть теплеет, смягчается, и в нем появляется золотистый, янтарный луч, освещающий центр сцены. Мой личный софит.

Я встаю в этот луч. В руках — сверток, моя боль, мой билет в прошлое.

«Ладно, — шепчу я, и в глазах загорается знакомая, пожирающая искра одержимости. — Давай попробуем еще раз. С самого начала».

Я поворачиваюсь спиной к пустой комнате, к воображаемым зрителям, и замираю, глядя в точку в пустоте. Туда, где через мгновение возникнет она. Та, какой я её создал.

Звук дождя нарастает, но теперь в нем слышится не тоска, а нервный, тревожный ритм. Ритм начала конца.

ГЛАВА 1: ВСТРЕЧА КАК ПРЕЛЮДИЯ К КАТАСТРОФЕ

Я стоял в луче света, зажав в руке афишу, как кочергу. Холст прошлого был натянут передо мной, чистый и готовый принять любую краску. Любую ложь. Особенно ложь.

Глубокий вдох. Выдох. Я расправил плечи. Мышцы на лице, привыкшие к маске апатии, с трудом сложились в улыбку — легкую, почти игривую. Я входил в роль. В роль самого себя — того, каким я был тогда. Молодого режиссера с горящими глазами, для которого весь мир был сценой, а люди — статистами в его грандиозной пьесе. Сейчас мне предстояло сыграть самый важный пролог.

Я повернулся к манекену, на котором висел старый пиджак. Он был немым партнером, моим Горацио.

«Итак. Пролог. Дождь», — объявил я ему, с легкой иронией в голосе. «Я бегу по мосту. Без зонта, конечно. Герои мелодрам никогда не носят с собой зонтов. Это закон».

Я сделал несколько легких, беговых шагов на месте, представив, как холодные струи затекают за воротник. Остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду.

«Ой! Простите! Я... я не заметил».

Пауза. Я вслушивался в тишину, представляя её ответ — не сердитый, скорее, удивленный. Мое лицо оживилось, в

глазах заиграли знакомые искорки азарта.

«Виноват, целиком и полностью, — сказал я, вкладывая в голос всё свое тогдашнее обаяние. — Позвольте мне как-то искупить... Куда вы так спешите? В такую-то погоду? Самые интересные встречи случаются в дождь. Это статистика».

Сценарий был старомоден и слащав, как карамель. Но я ведь помнил, что это сработало? Или мне так хотелось верить?

Я снял с манекена пиджак и набросил его на плечи. Теперь нужно было сыграть её. Я изменился — плечи слегка ссутулились, голова склонилась набок. Голос стал выше, мягче, в нем появились нотки скепсиса, приправленные любопытством.

«Её» (с усмешкой): Статистика? Вы проводили исследования?

Я снова стал собой, уверенным и нахрапистым.

МОЙ: Ежедневно. Моя докторская диссертация: «Влияние атмосферных осадков на вероятность романтических коллизий». Практическая часть захватывающая.

Я засмеялся. Звук вышел неестественно громким в тишине мастерской. Слишком искренним. Слишком пугающим. Я вел диалог с пустотой, поворачивая голову, как марионетка.

«Её»: И каковы выводы, профессор?

МОЙ: Вывод однозначен: нам нужно немедленно спрятаться в той кофейне через дорогу. Иначе эксперимент будет

сорван.

Я протянул руку в пустоту, будто предлагая ей войти. Сделал несколько шагов, «вел» её под руку. Затем обернулся к зрителю, к стене, к своему внутреннему судье, с хитринкой, которой сейчас стыдился.

«Сработало. Всегда срабатывает. Дождь и наглость — беспрюгрышная комбинация».

Я «усадил» её за столик, сам сел напротив. Смотрел на пустое пространство с обожанием, которое сейчас было лишь профессиональной имитацией.

«А потом она сказала... Нет. Стоп».

Улыбка сползла с моего лица, как маска. Сцена перезагрузилась. Я отодвинулся. Режиссер снова взял верх над актером.

«Не так, — резко сказал я, глядя на лежащий на столе диктофон. — Слишком бойко. Слишком комедийно. Нужна глубина. Нужна... судьба».

Я встал и зашагал по кругу. Одержимость, холодная и цепкая, снова поднималась изнутри. Этого было недостаточно. Эта версия была правдоподобна, но не была Истиной. Моей Истиной.

«Они не просто встретились. Они... столкнулись. Как два астероида. Не «ой, простите», а... удар. Ослепительная вспышка. Так. Лучше».

Я снова подошел к манекену. Теперь мой взгляд был серьезен, почти фатален. Я не играл удивление — я играл по-

трясение. Откровение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.